

АЛЕКСЕЙ ПАРИН
ХРОНИКА ГОРОДА
ЛЕОНСКА
РОМАН

ПИСЬМА
РУССКО
ГОПУТЕ
ШЕСТВЕ
ННИКА

023

Новое
Литературное
Обозрение

Письма русского путешественника

Алексей Парин

Хроника города Леонска

«НЛО»

Парин А.

Хроника города Леонска / А. Парин — «НЛО», — (Письма русского путешественника)

Леонск – город на Волге, неподалеку от Астрахани. Он возник в XVIII веке, туда приехали немцы, а потом итальянцы из Венеции, аристократы с большими семействами. Венецианцы привезли с собой особых зверьков, которые стали символом города – и его внутренней свободы. Леончанам удавалось отстаивать свои вольные принципы даже при советской власти. Но в наше время, когда вертикаль власти требует подчинения и проникает повсюду, шансов выстоять у леончан стало куда меньше. Повествование ведется от лица старого немца, который прожил в Леонске последние двадцать лет. У него легкий слог, трагедия города описана эмоционально, но без истерики и преувеличений. Это первый роман известного музыкального критика, переводчика и поэта Алексея Парина.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Парин

Хроника города Леонска. Роман

Глава 1

Марик и Чино

Чино рыкнул во сне короткой и отрывистой трелью. Его темно-желтая грива раскинулась широко, ее по последней моде оснастили тщательно отлаженными завитками, и солнечные блики рябили на ней, как на пышных локонах блондинки. Чино снилась охота. Он на сумасшедшей скорости несся по пустыне за антилопой, и его короткий сонный рык был возгласом азарта. Вот она, эта чудесная загадочная тварь, такая пленительно изящная. Он уже настигает ее. Она вдруг поскользнулась, упала. Он остановился резко, едва не упал сам. Она смотрела на него снизу восхищенным взглядом. Он не мог шевельнуться. И вдруг стал лизать ее мордочку в каком-то счастливом неистовстве. И тут проснулся.

Чино лежал на большой террасе. Марик по соседству играл в машинки. Как только Чино пошевелился, Марик бросился к нему со всей страстью пятилетнего обожателя.

– Чинуля, почему ты рычал? Кто тебя обидел? Я им покажу!

И Марик упал с размаху на Чино и начал тормозить его— привычно, по-свойски, как своего закадычного приятеля. Да они и были друзьями, самыми близкими, самыми сердечными. И в семье Волковых-Вульфов все считали Чино членом семьи, никак не иначе. Чино был ростом с немецкую овчарку, поэтому как раз пятилетнему чаду общаться с ним было удобней всего. В некоторых семьях в Леонске меньшим братьям стригли когти, чтобы они не портили мебель. Но у Чино с рождения был какой-то волшебный характер, от всех львиных признаков у него остался разве что роскошный рык, но и тот вырывался из него только по сонному делу.

Я как-то не удосужился рассказать вам самое главное и сразу бросился описывать происходящее. Сказывается неопытность. Я до сих пор по мере сил писал стихи и занимался техническим переводом, а за прозу взялся просто потому, что никто, кроме меня, эту историю рассказать вам толком не сможет. Главное состоит в том, что Чино— это лёвчик. Откуда лёвчики попали в Леонск, стоящий на Волге, я вам расскажу в отдельной главе. Лёвчики— это львы, только мелкие, маленькие, величиной с овчарку. Они ручные, просто роскошные крупные кошки, и даже характеры у них проще, чем у наших домашних кошек, скорее собачьи. Их можно сравнить с мягкими игрушками, до того они покладистые и добродушные. Дети могут часами кататься с ними на полу. Вы когда-нибудь общались с ньюфаундлендами? Огромные такие, пышношерстные, раскидистые сгустки доброты. Помню, я валялся на двух таких псах в гостях у великого переводчика и буквально захлебывался от счастья. А потом на улице увидел похожего пса и решил погладить его по голове— и тот чуть не откусил мне руку. И тут я испугался на всю жизнь. Но за лёвчиками ничего такого агрессивного и тем более кровожадного не водилось— их держали в Леонске с восемнадцатого века, и все не могли на них нахвалиться. В некоторых семьях их вообще оставляли как няnek пасти детей.

Чино и Марик самозабвенно катались по полу.

– Пора заниматься немецким!

Это бабушка Марика, блюстительница порядка Валерия Петровна, которую внук тем не менее звал не иначе как Вале́й, нарушила идиллию. Конечно, в начале сентября, когда так сладко греет солнце, неохота отрываться от простых мальчишеских радостей, но у Марика тоже был покладистый характер, и он тут же вскочил на ноги.

– Мне только надо вымыть руки.

Все уже привыкли к тому, что Марик, которого никто специально не муштровал, отличался исключительной чистоплотностью и эстетскими замашками.

– Фройляйн Фрида уже пришла. Так что не задерживайся.

Волковы-Вульфы принадлежали к одному из семейств, которые приехали на Волгу по приглашению Екатерины Второй и составили основу населения Леонска. Они-то были немцами, из Фрайбурга, но среди первых поселенцев было много итальянцев, из Венеции, и именно от них и пошли лёвчики, ставшие со временем главной достопримечательностью Леонска.

Марик, конечно, не отказал себе в удовольствии поплескаться в ванной во время подробного умывания, но следы своего безобразия вытер по-взрослому тщательно. Перед молодой и дельной учительницей Ольгой Васильевной Кранц, которую вельможная Валерия Петровна окрестила «фройляйн Фридой» в память о своей бонне, предстал розовощекий мальчуган с блестящими от любопытства глазами.

– Fräulein Frieda, guten Tag!

– Guten Tag, lieber Mark!

Валерия Петровна весело кивнула.

– Маркуша, не подведи!

Бабушка вышла из комнаты для занятий на первом этаже дома. И мы тоже выйдем из класса, хотя наблюдать за уроком Марика было бы довольно любопытно. Мы с вами сядем на террасе, на диван с узорчатыми подушками, и теплым сентябрьским днем займемся родословной наших чудесных лёвчиков.

Глава 2

Родословная лёвчиков

Лёвчиков привезли из Венеции. Тринадцать венецианских семейств приехали в Леонск в 1790 году, когда город уже сложился как единое целое. Потому что Леонск возник неподалеку от Астрахани вместе с другими поселениями немецких колонистов в 70-е годы. Он как-то сразу занял особое место: сюда приехали в основном интеллектуалы, которые замыслили создать нечто необычайное. Говорят, что тут действовали крупнейшие архитекторы своего времени, и в это можно поверить. Пройдите по городу— и вы увидите логику безупречно продуманного градостроительства. Конечно, самих высоколобых немцев было не так уж много— что-то около 600 человек, но перечень их украшали такие имена, что в Леонск стеклись не только из России, но и из Восточной Европы лучшие умы: даже ненависть к России не останавливала поляков и иных пострадавших. Город построился необычайно быстро и скоро уже насчитывал чуть не сто тысяч жителей. В нем вырос свой небольшой университет, театр, в котором играли драмы и оперы. В нем раскрасовалась высокая, словно вознесенная над Волгой набережная, по которой вечерами гуляли буквально все. Конечно, слышались разные языки, потому что внутри семей сохраняли наречия предков, но по обоюдному согласию всех основателей города главным, центрующим языком был выбран русский. И все колонисты старались выучить его как полагается.

А венецианцы— причем самые что ни на есть родовитые— отправились сюда, до смерти напугавшись взятия Бастилии. В Европе тогда вообще пошла волной паника, и многие кинулись кто куда. А Серениссима и без того влачила в то время довольно жалкое существование, потеряв свое безоговорочно первое место в международной торговле, и как будто бы безвольно ждала своей юридической смерти. Вот семейство Гримальди и решило отправиться в дальний путь, за тридевять земель, по увещеваниям Гольдмунда Рейнеке, приехавшего на неделю из Леонска по каким-то научным делам. Гольдмунду доверяли— он подолгу бывал в Венеции в 70-е годы, высоко котиrowался как знаток химии стекла, знал всех стеклодувов Мурано и славился своим здравомыслием. Он так расхваливал Екатерину Вторую с ее немецким умом и русской широтой, так расписывал все щедроты и прелести Леонска, что артистичный Энцо Гримальди, шестидесятилетний аристократ, многоумный книжник, заботливый отец и нежный дед, решился на порывистое бегство прочь от когтей французских бунтарей. Собрались в неделю— а вы понимаете, сколько всего надо было взять с собой семье из двадцати двух человек с тридцатью четырьмя слугами! Но этого мало— Гримальди позвал к себе на ужин лучших своих друзей, всех видных патрициев Венеции, и Рейнеке как будто невзначай стал бросать фразу за фразой о России, встающей с колен, о вольном житье немцев на Волге, о Леонском театре, в котором играли оперы Траэтты и Пиччинни, об университете, куда уже приезжал с лекциями молодой Фихте. Обычно застылые в своем патрицианском величии лица Морозини и Контарини, Дандоло и Градениго стали покрываться нервным румянцем, тяжелые веки над потускневшими глазами словно лишились своего веса, а сами глаза увлажнились и зажглись каким-то лиловатым блеском. Короче говоря, через неделю, с промежутком в один-два дня, чтобы не создавать паники, из Венеции уплыли в сторону Черного моря, ни больше не меньше тринадцать знатнейших семейств города святого Марка.

И в каждом семействе было по пять-шесть лёвчиков. Потому что к тому времени в Венеции лёвчики были главными, если не единственными домашними животными. Они появились в Серениссиме давным-давно, никто не знает когда, но, по преданию, их завезли вскоре после того, как мощи апостола Марка были похищены в Александрии и привезены

в Венецию. Вы, конечно, знаете эту историю, когда венецианские патриоты, купцы Буоно и Рустико, давным-давно, в 829 году, завернули корзину с бренными останками апостола в парус и положили странный груз под свиные туши, к которым таможенники-мусульмане и прикоснуться не могли. А вывезти мощи надо было потому, что Марк вместе со своим учеником Эрмагорой во время бури нашли убежище там, где потом возникло поселение Риальто. Святой Марк стал небесным покровителем Венеции, потеснив, а потом и отстранив рекомендованного прежде византийским императором святого Феодора, а символом города стал крылатый лев, знак Марка. На этом льве и свихнулся очередной патриот Венеции— он решил, что городу необходимо обзавестись собственным ручным животным, какого нет ни у кого в мире.

Этого патриота звали, по преданию, Флабанико (его правнук стал потом дожем Венеции), и нрава он был лихого. Ухарь отправился в Византию, потом объехал пол-Азии, а позже его занесло в Африку. В одном из племен пигмеев он обнаружил странных зверьков, которые были похожи один-в-один на львов, но только в несколько раз мельче страшных хищников. Флабанико обрадовался до сумасбродства, и его подручным удалось вывезти из самого сердца Африки двадцать чудесных животных. Он назвал их по-итальянски *leoncini*, леончини, и в целости и сохранности довез их всех до своего нежно любимого родного города на лагуне.

Здесь леончини разошлись по семьям и быстро прижились. Климат Венеции, такой зловеющий и коварный, оказался им по вкусу. Не было ни одной семьи, где бы не жил маленький лев. Конечно, ни одно празднество не обходилось без зверьков, которые смело заняли место чуть что не «полномочных представителей» Венеции. Да и в некоторых политических событиях они тоже принимали активное участие. Достаточно вспомнить попытку мятежа в 1310 году, когда гордыня дожа Пьетро Градениго довела до того, что город был отлучен от церкви за свои художества. Заговорщики решили убрать дожа любой ценой. Утром в день мятежа один из возмутителей спокойствия, Баймонте Тьеполо, задержался в Мерчерии под огромной бузиной. Все жители сестьере переполошились, из закрытых окон неслись страшные проклятия. Только Тьеполо тронулся в путь, как ветхая старуха, синьора Джустина, высунулась из окна и осыпала бунтовщиков площадной бранью. А в руках она держала каменную ступку, в которой растирала чеснок. И тут ее за юбку потянул ее любимый леончино, и рука у старухи дрогнула, и тяжеленная ступка полетела вниз. И упала прямоком на голову знаменосцу отряда и убила его наповал. На том и кончился этот бунт. А дож основал тот самый Совет десяти, который определял жизнь Венеции вплоть до ее падения в 1797 году. Синьору Джустину чествовали как святую, а ее леончино Тонино нарисовали на всех венецианских фресках.

В Леонске леончини переименовали— и стали они лёвчиками. И вторая родина стала чудным зверькам такой же нежной— но и суровой— матерью, как Венеция. Дело в том, что никому не удавалось вывезти леончиков за пределы города на лагуне. То ли хитрые венецианцы так все устраивали, то ли правда венецианский климат оказался единственно возможным для малых львов, но в других городах Италии они просто не выживали. И в Венеции вообще дело кончилось тем, что после отъезда Гримальди и всех его сообщников, а потом еще и падения республики леончики постепенно вымерли. В Леонске тоже лёвчики оказались невывозными— сколько ни старались москвичи да петербужцы, саратовцы да астраханцы развести у себя лёвчиков, ничего у них из этого не вышло. А в Леонске наши любимцы выжили и в революцию, и в голод, и в войну. И до сих пор своей незамутненной добротой даже в минуты скорби помогают всем не терять самообладания.

Глава 3

Кто я такой

Теперь мне пора рассказать о себе. Я сижу на террасе своего дома в Шварцвальде под Фрайбургом и смотрю на лиственницы, которые стоят на лужайке прямо передо мной. Не знаю, кто-то из прежних владельцев посадил их или они выросли сами, но растут они в линейку. Высокие, как приморские сосны. И меня все время занимает, сколько я на них ни смотрю, почему они выросли такие разные. Вот первая: у нее из самого корня, от земли, рядом с основным стволом тянется вверх второй, тоньше главного раз в десять. Он до половины высоты голый, ветки все отвалились, и только совсем высоко, я еле разглядел (мне трудно уже долго держать голову лицом наверх), из него растут в одну сторону полноценные длинные ветки с густым игольным опереньем. Две другие, вторая и третья, если считать по порядку от террасы, одноствольные, но ведь они одногодки, но вторая тощая, как одёр, а третья полнотелая, хочется сказать жирная, пышная, как кустодиевская баба. И завершает всю картину четвертая красавица— так вот она почему-то трехствольная, только не с самого низу, а на высоте метров десяти разделяется на два аккуратных цилиндра равной толщины, а потом, еще метров через пять, один из них раздваивается. И видно, что все три ствола друг другом довольны до чрезвычайности. Я склонен к философствованиям на обывательском уровне, и, глядя на эти лиственницы, я всякий раз думаю, что они как люди и у них у всех даже при одинаковых корнях и почве все складывается в жизни всякий раз по-разному.

Я немец, и мне девяносто лет. Родился я в 1923 году. Меня зовут Генрих, фамилия Ленрот, а уменьшительное имя у меня Ханя. Так меня прозвали, когда я был в плену в СССР после войны, две русские девочки. И так за мной это имечко закрепилось и в Германии, и оказалось, что неслучайно.

Еще я вам сразу скажу, что я пишу, конечно, по-немецки, потому что русский язык толком не выучил, хотя прожил в Леонске чуть не двадцать лет. А вы читаете перевод с листа. Я отдаю каждую главу, как только ее напишу, своему другу, который, как и я, сбежал из Леонска, после того как там произошла вся эта ужасная история. Он русский но в немецком купается, как в родном языке, и я ему полностью доверяю. Его зовут Митя, Дмитрий Бибилов. Он композитор, но у него выраженные литературные способности. Конечно, я у него полностью в руках и под контролем, но он мне обещал, что ничего в моем рассказе исправлять или уточнять не станет, хотя он тоже все видел от начала до самого конца. Но если вы все-таки заметите что-то подозрительное, даже неподходящее, вы имейте в виду, что это написал не я, а Митя. В моем возрасте мне некого попросить сверить перевод с оригиналом. Такую операцию проведут уже после моей смерти, и тогда Митю выведут на чистую воду.

Почему я переехал в конце 80-х в Леонск? Ваш вопрос совершенно справедлив. Я потому и прерываю свое повествование во второй раз, что должен вам объяснить, от кого вы получаете это достоверное повествование и почему никто другой, как я уже предупреждал вас, не мог бы рассказать точнее. Достоверное повествование— это мое заимствование, так назывался огромный роман в стихах и прозе Гийома де Машо, про любовь старика к девушке, и до сих пор неизвестно, то ли престарелый поэт в своем далеком XIV веке насочинял всю чудесную историю или просто искусно «одел в слова» действительно приключившуюся с ним авантюру.

Я переводчик технических текстов, мой главный заработок состоял в переводе на английский деловых отчетов разных крупных фирм. Это были хорошие деньги, я умел переводить очень точно и чрезвычайно быстро, и я заработал к концу 80-х солидную пенсию. Но моя главная страсть литература. Я тихо пишу стихи в стол всю жизнь, но мало кому в этом

признаюсь. А достоверное повествование может написать только тот, кто знает про литературу все. Состарившиеся к концу жизни норовят написать мемуары. И ни у кого ничего путного не получается, разве что «документ времени». Потому что надо чувствовать не только слово, но и то, что можно из него построить. Мы с Митей много раз проверяли друг друга на литературную чувствительность и поняли, что у нас одна группа крови. Потому я так решительно и попросил помощи у Мити. Ведь мой текст здесь, в Германии, никому не нужен. А в России до сих пор ждут, кто им расскажет всю правду про львов Леонска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.